

1965.13

1657 02

ПОРЪЕМ

ОРГАН
Воронежского
отделения
С О Ю З А
ПИСАТЕЛЕЙ
Р С Ф С Р

ПОДЪЁМ

Содержание

Мая Румянцева. Протест. Стихи	3
С. Хитров, первый секретарь Воронежского обкома КПСС. Перед большим разбегом	5
В. Гордейчев. Новые стихи	17
Юрий Воищев. Я жду отца. Повесть	24
Николай Корнеев. Ключ. 130 — над уровнем моря. Стихи	69
Михаил Сергеев. Ульяна. Рассказ	71
Виктор Панкратов. Путь к звездам. Стихи	80
Ольга Кротова. Остров живых сокровищ	81

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Ян Альда. Память. Стихи. Перевел с чешского Олег Шевченко	92
Антонин Штука. Отрывки из поэмы «Не забудь!». Перевел с чешского Олег Шевченко	93
Йозеф Елен. Майская баллада. Стихи. Перевел с чешского В. Гордейчев	94
Курт Тухольский. Зеленая лампа. Рассказ. Перевела с немецкого Т. Хелем	95

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ НАРОДА

К двадцатилетию разгрома фашистских полчищ

М. Агеев. Сражение за Воронеж	97
Н. Плысюк. Штурм Берлина	105
А. Гринько, Г. Улаев. Богатыри	110
Дорогие солдатские письма: Валентины Полухиной, А. Паршукова, Ив. Агеева, Феликса Литуса, А. Нижниковой	115
И. Г. Старинов. Мины ждут своего часа	119
А. Иванов. Город-воин. Репортаж	126

МАЙ • ИЮНЬ

ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖ

3
1965

66727

перу отдельной хорошей книгой? Это можно и нужно сделать, ибо мы не имеем права, не должны забывать о тех, кто погиб для того, чтобы жили мы.

А. СЕМЕНОВА.

Сквозь время

Так называется эта книга стихов четырех поэтов Павла Когана, Михаила Кульчицкого, Николая Майорова, Николая Отрады — и воспоминаний о них. Многие из напечатанного уже известно нашему читателю по журнальным подборкам и поэтическим сборникам. Стихи заслуживают большого, серьезного разговора. Но для меня это не просто стихи. Они — моя юность. С Коганом и Кульчицким я был близко знаком, с Майоровым — дружил.

В один год мы с Николаем Майоровым пришли на исторический факультет Московского университета, вместе, не бросая учебы в университете, поступили в Литературный институт имени Горького, вместе копали рвы под Смоленском. Потом наши дороги разошлись. Я попал в военное училище. Он — сразу на фронт. Стоит мне увидеть одно лишь заголовочное стихотворение, и оно встает все в памяти, с интонацией, с какой оно читалось, с жеста, мимикой, с отброшенными вариантами, спорами, рукопожатиями. Некоторые из напечатанных стихов сохранились лишь потому, что в октябре 1941 года, может быть, предчувствуя свою судьбу, Коля молча дал мне тетрадку со стихами. Это было у дверей военкомата Краснопресненского района Москвы.

Многие рассказали о поэтах в книге «Сквозь время» и Даниил Данин, один из руководителей нашей университетской литгруппы, редактор не напечатанного сборника стихов университетских поэтов; наши сверстники, теперь известные поэты Борис Слуцкий, Михаил Львов, Михаил Луконин. Верно почувствовал дух творчества молодых поэтов автор предисловия, поэт старшего поколения Илья Эренбург. Что я могу дополнить к сказанному?

Преобладающее большинство стихов написано за год — за два года до войны. А впервые напечатаны они через много лет после окончания войны. Как это получилось? Я хорошо помню, как ждал Колю Майорова на улице у редакции журнала «Знамя» в 1940 году и как через полчаса он вернулся, нет, не расстроенный, а взволнованный, непримиримый, с измятой тетрадкой стихов. Помню и другое, как пятнадцать лет спустя я сидел перед редактором в той же редакции, с той же тетрадкой стихов Майорова. У редактора дрожали руки, когда он читал когда-то отвергнутые строки. У меня бешено колотилось сердце. Стихи

ждали своего времени и дожались его. Началось открытие довоенной молодой поэзии. Майоров, Коган, Кульчицкий начали новую жизнь.

Конечно, и Кульчицкий и Майоров могли бы и при жизни найти путь в «печатную поэзию», если бы захотели писать иначе. Но высокая требовательность художника, присущая таланту, не идет ни на какие компромиссы. И пусть со страниц книжки смотрят на меня лица, сглаженные ретушью. Я знаю их других, грубоватых, с резкими движениями, непричесанных, не всегда сытых, но всегда непримиримых ко всякой пошлости, фальши, казенщине. Может быть, именно поэтому в согласии с нашим временем бьется их поэтическое сердце, и на диспутах о современном молодом герое советской литературы юноши наших дней говорят с ними, как с живыми.

Стихи Когана, Кульчицкого, Майорова выбивались из потока складных, но легковесных виршей, заполнявших тогда журналы и газеты, звучавших с эстрады и в эфире. Сами эти поэты уже имели аудиторию, но не читателей. Их стихи не размножались печатными машинами, не находили пути к массовому читателю. Может быть, больше всех переживал эту трагедию Миша Кульчицкий, по своей поэтической и человеческой сути — трибун.

Я вижу красивых вихрастых парней.
Что чехвостят казенных писак.

Наверно, кормильцы окопных вшей
интердантов честили так.

И стихи, что могли б прокламацией
стать

и свистеть, как свинец из винта,
превратятся в пропыленный инвентарь
орденов, что сунку под стать.

Красивые вихрастые парни, чехвостящие казенных писак, — это Кульчицкий писал о себе и о своих друзьях. Кульчицкий был романтиком. Романтиками были и Коган и Майоров. Ратуня за революционный романтизм, они боролись против скучных прописных истин и хрестоматийного глянца, против всего того, что скрывалось за дымовой завесой слова реализм. Напрасно редакторы сборника «Сквозь время» выкинули строфу из программного стихотворения М. Кульчицкого. Мы восстанавливаем ее по памяти.

Высокохудожественной
Строчкой не хромаете,
Вы отображаете удачно дач лесок,
А я не реалист,
А я романтик.
Мой стих — не зеркало,
Но телескоп.

Романтизм творчества М. Кульчицкого и других поэтов, представленных в сборнике, это протест против шаблонного раскрытия больших поэтических тем времени. Тема родины, России встает в творчестве поэтов внезапным поэтиче-

ским озарением и глубоким предвидением великого испытания, ожидавшего наш народ. В памяти сохранились обрывки двух майоровских строк:

Где-то в германской Туле
Для меня отливают пулю.

Эти строки писались в те дни, когда был подписан акт о ненападении с Германией, когда, выйдя однажды из моего дома на улице 25-го Октября в Москве, мы увидели поднимающегося в поезде Исторического музея Риббентропа.

Помнится и встреча с Павлом Коганом у Рижского вокзала. Где-то в поезде он услышал песню слепого певца:

Широкая страна Россия,
Поле желто, небо сине,
Широка.

Сколько экспрессии в голосе Павла! Сколько огня в его глазах! Он завидует поэту, написавшему эти чудесные строки! Он хочет написать «такие стихи».

Одна из последних крупных вещей, написанных Кульчицким, поэма «Самое такое!» Прочтите ее. В ней весь Кульчицкий — угловатый, сильный, едкий, насмешливый. А как громадна его любовь к родине. Это любовь, зоркая и требовательная, пылкая и непримиримая, любовь, соединенная с верой в коммунизм и интернациональное братство, любовь, глубоко враждебная всякому любованию лубочной стариной.

Таковыми они остались в моей памяти, разные, непохожие, и в то же самое время близкие по духу и ощущению времени.

А. НЕМИРОВСКИЙ.

Павка Корчагин на Балканах

Фашистские власти Болгарии запретили хранение и распространение книг Николая Островского. И все же они наладили дорогу к читателю. Они учили и воодушевляли узников, партизан, подпольщиков. Имя «Павка Корчагин» было героическим, им называли мужественных борцов за свободу болгарского народа.

Прежде чем Корчагин стал партизаном в балканских лесах и горах, он прошел большую революционную школу в тюрьмах Старой Загоры, Софии, Варны, Сливны и других городов. Поздней осенью 1935 года заключенные Старозагорской тюрьмы нелегальным путем получили посланную им Н. Островским книгу «Как закалялась сталь» с авторским автографом. Инициатором отправки книги была жившая в Москве дочь видного болгарского революционера Н. Цырчуланова, убитого фашистами в 1925 году.

Роман тут же в тюрьме решили перевести на болгарский язык и переписать в нескольких экземплярах. За перевод взялся И. Марински, сидевший в одной камере с Г. Димитровым-Гощкиным, нынешним редактором газеты «Литературен фронт». На долю последнего выпало охранять своего товарища от неожиданного появления надзирателя перед дверным «глазком».

Как рассказывает в своих воспоминаниях Иван Марински, он работал, закутав ноги в тулуп, в сырой и холодной камере по десять часов и закончил перевод в 25 дней. Достался ему этот успех дорогой ценой — он заболел суставным ревматизмом. Самого Маринского за его самоотверженный труд товарищи прозвали Павкой.

В переписывании, или, как тогда в тюрьме говорили, в «печатании» романа «Как закалялась сталь» приняла участие группа молодежи, которая приготовила восемь экземпляров «книги». Коммунисты и комсомольцы читали и перечитывали замечательное произведение Островского. «Они, — пишет И. Марински, — учились у Павла Корчагина и стали его верными последователями и подражателями в жизни и в работе над собой. И многие из них, выйдя из тюрьмы, боролись против фашизма со смелостью и умением Корчагина».

В письме к Николаю Островскому один из коммунистов, находившихся в Старозагорской тюрьме, Г. Огнянов сообщал ему, что для них книга ценна не только как замечательное художественное произведение, но и как средство политического просвещения, которое они используют в своей деятельности. Спустя почти четверть века, в 1959 году тот же Г. Огнянов писал жене писателя Р. П. Островской: «Книга была прочтена «одним духом» всеми как в одиночках, так и в общих камерах. Восторг от нее был неопишем. Обсуждение книги продолжалось долго. Павел Корчагин стал не только любимцем всех политических заключенных, но и примером для всех нас — бороться как он, выработать прекрасные качества, которые имел Павел, чтобы служить нашей партии и революции».

В 1937 году фашистские власти сконцентрировали до двух тысяч политических узников в Сливенской тюрьме. Тогда старозагорцы переправили роман Н. Островского, где он получил еще более широкое распространение. Вскоре книга появилась и в других тюрьмах.

Вместе с вышедшими из тюрьмы в 1938 году комсомольцами Крумом Деренджиевым и Александром Гырчевым вышел на свободу и нелегальный перевод. Деренджиев и Гырчев организовали перепечатку романа в нескольких экземплярах на пишущей машинке и распространили его в комсомольских организациях. Г. Огнянов в упомянутом письме к Р. П. Островской отмечал: «Перевод т. Маринского использовали в некоторых наших партизанских отрядах.

